

Кедров Б. М.

В. И. Ленин и гегелевская диалектика (о ленинских принципах и способах материалистической переработки диалектики Гегеля). М., «Знание», 1975. 64 с.

Стр. 3—19

Введение

В. И. Ленин всегда подчеркивал исключительную важность материалистической диалектики. Только она способна помочь марксистской партии правильно ориентироваться в чрезвычайно сложной и быстро меняющейся обстановке, только с ее позиций можно глубоко проанализировать закономерности и тенденции революционного движения и всего общественного развития.

Свое принципиальное отношение к использованию гегелевской логики (диалектики) Ленин выразил следующим образом: «Логика Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik* (мистики идей. — Б. К): это еще большая работа...» (2, 29, 238)¹.

Ленин был замечательным мастером материалистической диалектики. Его работы представляют собой яркий образец ее научного развития. Вождь пролетариата прекрасно "понимал, что для идейно-теоретической подготовки партии и всего рабочего класса к предстоящим революционным битвам необходимо создать руководство по диалектике. Не случайно поэтому в годы, предшествовавшие Октябрьской социалистической революции, Ленин вплотную принимается за непосредственную разработку диалектики, чтобы дать в руки партии боевое оружие, необходимое для грядущих революционных битв.

Ленин в «Философских тетрадах» составил план разработки диалектики как метода научного познания и революционного действия. Однако события развивались тогда столь стремительно, требовали к себе такого внимания и сил, назревание революционного кризиса в России и его перерастание в революционный взрыв шло такими быстрыми темпами, что Ленину не удалось завершить задуманную им работу. Главные идеи, зародившиеся у него в процессе этой работы, он воплотил в других своих трудах, написанных накануне Октябрьской революции и в послеоктябрьский период. В них мы видим мастерское применение Лениным диалектики к определению задач революционной борьбы и строительства нового общества, к анализу действительности. Образцом этого могут служить труды Ленина: «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Очередные задачи Советской власти», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Еще раз о профсоюзах...», а также многие документы партии и Советского государства.

Приступая осенью 1914 г. к штудированию сочинений Гегеля с целью извлечь из них рациональную диалектику и поставить ее на фундамент материализма, Ленин полностью исходил из взглядов Маркса и Энгельса, из их богатейшего опыта по материалистической переработке гегелевской диалектики. Но Ленин не просто повторял их опыт: он учитывал данные новой исторической эпохи, новейшее развитие естествознания, а главное, данные практики революционной борьбы международного пролетариата и всего того, что принесла с собой первая мировая империалистическая война. В новой исторической обстановке сочинения Гегеля прочитывались по-новому, иначе, нежели в канун революции 1848 г.

Заметим, что история не сохранила документальных записей того, как совершался у Маркса и Энгельса непосредственно самый процесс материалистической переработки гегелевской диалектики. К счастью, история сохранила записи, отражающие ход работы

---

¹ Здесь и далее везде первая цифра указывает порядковый номер в списке цитированной литературы (он помещен в конце работы), вторая — том, третья — страницы.

Ленина, зафиксированный в «Философских тетрадах». В дальнейшем нам придется опираться особенно часто на этот ленинский документ.

«Перевертывание» гегелевской диалектики и постановка ее «с головы на ноги»

В общей форме о процессе «перевертывания» гегелевского идеализма Ленин писал еще в книге «Материализм и эмпириокритицизм». В частности, речь шла о том, «...как «абсолютная идея» Гегеля собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства... Фейербах отрезал китайскую косу философского идеализма, т. е. взял за основу природу...» (2,18,244).

Обратимся к «Философским тетрадам». Первое, к чему стремится здесь Ленин в целях материалистической переработки гегелевской диалектики, заключается в следующем: а) отбросить, отсесть все реакционное, идеалистическое, все то, что направлено к оправданию некоего высшего духовного начала («абсолютной идеи»), которая обожествляется, возводится философскими приемами в ранг бога-демиурга действительного мира; б) сохранить, удержать все прогрессивное, диалектическое, все то, что, хотя и в мистифицированной форме, отражает реальный процесс мирового развития и его законы.

Отсекая идеализм, Ленин как бы «перевертывает» гегелевскую диалектику и ставит ее на почву материализма. Принцип ее переработки Ленин излагает так: «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу) — т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею etc.» (2, 29, 93).

Вот яркий пример того, как замечательно «работает» у Ленина этот прием. Гегель пишет (а Ленин выписывает): ... «*Нем*» (курсив Гегеля) «ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы вместе и непосредственности и опосредствования...» (2, 29, 92).

Дальше Ленин составляет схему материалистической переработки данного конкретного положения Гегеля, его «перевертывания»:

«1) Небо — природа — дух. Небо долой: материализм.

2) Все *vermittelt* = опосредствовано, связано в едином, связано переходами. Долой небо — закономерная связь всего (*процесса*) мира» (2, 29, 92).

Так получается в том случае, когда четко сопоставлены самим же Гегелем три компонента его построения: небо — природа — дух. Однако у него далеко не всегда это так ясно выступает, так что далеко не сразу можно отрезать у Гегеля «китайскую косу» его идеализма.

«Перевертывание» гегелевской диалектики — это совсем не легкое и не простое дело. Ленин конспективно выписывает из Гегеля следующий «Пример: де, зародыш человека есть лишь внутренний человек, *dem Andressein Preisgegebenes* (отданное во власть инобытию. — Б. К.), пассивное. *Gott* (бог. — Б. К.) сначала не есть еще дух. «*Непосредственно бог есть поэтому лишь природа*» (2, 29, 139).

Ленин на полях записывает: «Долой *Gott*, остается *Natur* (природа, — Б. К.)» (2, 29, 139).

Итак, нужно очистить от мусора и шелухи идеализма то ценное, диалектическое, что содержится в трудах Гегеля, а это требует громадного напряжения умственной работы, мобилизации всего внимания; только так можно высвободить диалектику от извращения и мистификаций, которым она подвергается у Гегеля, и представить ее в рациональном виде. Когда такая исключительно сложная и трудоемкая работа выполнена, то иной читатель даже не поверит, что очищенная от идеализма гегелевская диалектика может засверкать всеми своими расцвеченными гранями. По этому поводу Ленин пишет, касаясь учения о тождестве противоположностей, о противоречии как движущем начале всякого развития: «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые,

застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (2, 29, 98). Ленин выписывает далее гегелевские характеристики, отчеркивая их на полях жирными линиями: «*все вещи в самих себе противоречивы; и именно смысл этого предложения* таков, что оно... выражает истину и сущность вещей» (2, 29, 124). «... Противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью... Противоречие не следует считать просто какой-то аномалией, встречающейся лишь кое-где: оно есть... принцип всякого самодвижения...» (2, 29, 125).

По поводу этих и других гегелевских мыслей Ленин резюмирует: «Движение и «самодвижение» (это NB! самопроизвольное (самостоятельное), спонтаннейное, *внутренне-необходимое* движение), «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» (Trieb) к «движению» и к «деятельности» — противоположность «мертвому бытию» — кто поверит, что это суть «гегелевщины», абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой?) гегельянщины?? Эту суть надо было открыть, понять, hinüberretten (спасти. — Б. К.), вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» (2, 29, 126—127). А после них, добавим мы, продолжал делать Ленин, идя по их стопам. Здесь, как мы видим, нет простого, механического отсечения идеализма в качестве какого-то внешнего привеска к гегелевской диалектике. Идеализм органически пропитывает диалектический метод у Гегеля, а потому здесь требуется коренная переработка с тем, чтобы создать качественно новую форму диалектики, а именно материалистическую диалектику.

Маркс намеревался сам в систематическом виде изложить рациональное зерно гегелевского метода, написав с этой целью специальную работу. В 1913 г., изучая переписку Маркса и Энгельса, Ленин записал по поводу писем Маркса (от 14 января и от 1 февраля 1858 г.): «*Рациональное* в «Логике» Гегеля, в его методе. (Marx 1858: снова перелистывал «Логик» Гегеля и хотел бы на 2—3 листах изложить, что в ней рационального.) (Минус его, Гегеля, «мистификация».)» Запись по поводу второго письма содержит оценку Марксом книги Лассаля о Гераклите: «Гераклит» Лассаля — ученическая вещь. Никакой *критики понятия диалектики*» (3, 33). Ленин отчеркнул двумя чертами последнюю фразу.

Из этих пометок видно, что именно заинтересовало Ленина в процитированных письмах Маркса. Вероятно, как раз в 1913 г. у Ленина и появилась идея самому взяться за то, что не успел сделать Маркс, — изложить в «доступной обыкновенному человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время подверг мистификации» (3, 33).

Рассмотрим конкретнее, как работает у Ленина принцип и метод «перевертывания» гегелевской диалектики и постановка ее на почву материализма. Например, Ленин анализирует следующее гегелевское определение логики (т. е. диалектики как логики):

«Логика есть чистая наука, т. е. чистое знание во ВСЕМ объеме его РАЗВИТИЯ...»

Ленин расчленяет это гегелевское определение на две части: «Гая строка ахинея, 2-ая — гениальна» (2, 29, 92). Ленин отвергает эпитет «чистая», «чистое», а смысле оторванное от жизни, от практики, освобожденное «очищенное» от всего мирского, земного. Гениальным же Ленин считает глубоко диалектическое определение логики как знания (а значит, и научного знания) во всем объеме его развития. Так, отсечением идеалистического эпитета «чистая», «чистое» достигается в данном случае материалистическая трактовка логики (диалектики как логики).

Мысль, содержащаяся во 2-й строке приведенного выше гегелевского определения, многократно подчеркивается Лениным как приемлемая для диалектического материализма. Так, Ленин приводит цитату из Гегеля: «Лишь на этом конструирующем самого себя пути философия... способна быть объективной, доказательной наукой» (2, 29, 80). Каков же ее рациональный смысл?

«Сам себя конструирующий путь» (Ленин тут повторяет выражение Гегеля и выделяет главное: «путь». — Б. К.) = *путь* (тут гвоздь, по-моему) действительного познания, познавания, движения от незнания к знанию» (2, 29, 80).

Подобного рода случаи материалистической переработки отдельных положений гегелевской диалектики являются простейшими. Рассмотрим более сложный случай, когда переработка Гегеля сводилась у Ленина не к простому отсечению отдельных гегелевских фраз и эпитетов, а к прямому *перевертыванию* его построений: у Гегеля духовное, идеальное являлось приматом, а материальная сторона выступала как производная. Это построение нужно было «перевернуть» так, чтобы данное отношение изменилось на обратное, на диаметрально противоположное.

Так, Ленин выписал гегелевское положение о том, что движение сознания «подобно развитию всей жизни природы и духа» покоится на «натуре чистых сущностей, составляющих содержание логики». Отчеркнув это место, Ленин записал на полях: «Перевернуть: логика и теория познания должна быть выведена из «развития всей жизни природы и духа» (2, 29, 80).

Приведем еще пример того, как Ленин осуществляет очистку гегелевской диалектики от идеализма и ее «переворачивание». Гегель пишет, а Ленин в скобках анализирует его высказывание с целью отчленить рациональное зерно от мистической шелухи: «Понятия разума, в которых следовало бы ожидать более высокую силу (идеалистическая фраза!) и более глубокое (*верно!!*) содержание, уже не имеют в себе ничего *Konstitutives* (надо: *objektives*), как это еще имело место у категорий; они суть *только* идеи... Можно ли было когда-нибудь подумать, что философия станет отрицать истину умопостигаемых сущностей потому, что они лишены пространственного и временного вещества чувственности?» (2, 29, 153—154).

Ленин четко различает то, что является у Гегеля в данном случае рациональным, и то, что оказывается у него идеалистической шелухой: «И тут Гегель *прав* по сути: стоимость есть категория, которая *entbehrt des Stoffes der Sinnlichkeit* (лишена вещества чувственности. — Б. К.), но она *истиннее*, чем закон спроса и предложения.

Только Гегель идеалист: отсюда вздор: «*Konstitutives*» etc.» (2, 29, 154).

Можно привести еще один случай подобного «переворачивания». Гегель пишет в Энциклопедии (Ленин это выписывает): «...Покоряемая живым существом неорганическая природа претерпевает это потому, что она *в себе* есть то же самое, что жизнь есть *для себя*» (2, 29, 185). Ленин констатирует: «Перевернуть = чистый материализм. Превосходно, глубоко, верно!!»

Иногда «перевертывание» достигается следующим образом: Ленин заменяет гегелевские понятия, относимые Гегелем к сфере логики, к сфере мышления, понятиями материалистической диалектики как науки о наиболее общих законах развития объективного мира и человеческого мышления. Так, Ленин выписывает из гегелевской Энциклопедии: «Но на самом деле они» (*die logischen Formen* — логические формы) «наоборот, как формы понятия составляют *живой дух действительного...*» (2, 29, 156). Перевертывая это положение, Ленин записывает на полях: «Общие законы *движения мира и мышления*».

Или еще: Гегель говорит в духе идеализма: «Бытие и сущность суть моменты его» (= *des Begriffs*) (понятия. — Б. К.) «становления». Ленин формулирует задачу: «Обернуть: понятия высший продукт мозга, высшего продукта материи» (2, 29, 149). Точно такое же положение мы встречаем в случае гегелевской формулы: «*Субстанция есть важная ступень в процессе развития идеи*». Ленин перевертывает: «Читай: важная ступень в процессе развития *человеческого познания* природы и *материи*» (2, 29, 142).

В некоторых случаях Ленин отбрасывает или во всяком случае ставит под вопрос гегелевское обоснование перехода одних категорий диалектики в другие. Так, Ленин относится к гегелевской категории *Fürsichsein* (для себя бытие). «Почему *Fürsichsein* есть *Eins* (единое. — Б. К.),— записывает Ленин,— мне неясно. Здесь Гегель сугубо темен, моему» (2, 29, 103). И далее: «Вообще все это *Fürsichsein*, должно быть, отчасти понадобилось Гегелю для выведения того, как «*качество превращается в количество*»... сие производит впечатление большой натянутости и пустоты» (2, 29, 105).

Для решения задачи «переворачивания» гегелевской диалектики, несомненно, большое значение имеет анализ аналогичных ситуаций, которые возникали в других областях научного знания. Ленину, разумеется, хорошо было известно Предисловие Энгельса ко 2-му тому «Капитала» Маркса. Здесь сказано, что Лавуазье, руководствуясь открытием, сделанным Пристли, «...подверг исследованию всю флогистонную химию и впервые открыл, что новая разновидность воздуха была новым химическим элементом, что при горении *не* таинственный флогистон *выделяется* из горящего тела, а этот новый элемент *соединяется* с телом, и, таким образом, он впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистонной форме стояла на голове» (1, 24, 19—20).

В другом месте Энгельс провел прямую параллель между тем, что наблюдалось в гегелевской диалектике, которая стояла на голове и нуждалась в том, чтобы ее поставили на ноги, и тем, что представляли собой некоторые естественнонаучные теории. «Но и в самом естествознании, — писал он, — мы достаточно часто встречаемся с такими теориями, в которых действительные отношения поставлены на голову, в которых отражение принимается за отражаемый объект и которые нуждаются поэтому в подобном перевертывании. Такие теории нередко господствуют в течение продолжительного времени. Именно такой случай представляет учение о теплоте... Точно так же в химии флогистонная теория своей вековой экспериментальной работой впервые доставила тот материал, с помощью которого Лавуазье смог открыть в полученном Пристли кислороде реальный антипод фантастического флогистона и тем самым ниспровергнуть всю флогистонную теорию. ...Гегелевская диалектика так относится к рациональной диалектике, как теория теплорода — к механической теории теплоты, как флогистонная теория — к теории Лавуазье» (1, 20, 371—372).

Из этих слов явствует, что опыт естествознания может служить важным подспорьем при решении задачи «перевертывания» гегелевской диалектики.

Во многих случаях выполнению такой задачи в отношении своей собственной диалектики и очищения ее от идеализма активно (хотя, разумеется, бессознательно) способствовал сам Гегель. В таком случае в переработку гегелевской диалектики включаются у Ленина поиск и раскрытие зачатков материализма в трудах Гегеля,

Поиск и раскрытие зачатков материализма у Гегеля

Ленин писал, что гносеологическим источником философского идеализма служит *метафизика*: «Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота *voilà* (вот. — Б. К.) гносеологические корни идеализма» (2, 29, 322). В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин вскрыл два такого рода источника у «физического» идеализма.

Разрывая всеобщую цепь мирового развития на отдельные изолированные звенья, метафизика оказывается не в состоянии объяснить происхождение разрозненных между собой звеньев. Отсюда неизбежно возникает концепция творческого акта, который, дескать, совершает некая сверхъестественная сила. Тем самым осуществляется прямой переход на позиции идеализма и теологии. Наиболее типичным проявлением подобной концепции служит представление о «первоначальном толчке», к которому прибегали ученые в попытках объяснить, откуда и как возник современный нам мир.

В «Анти-Дюринге» Энгельс писал по этому поводу: «Упрек по адресу Дарвина в том, что он тотчас же попадает в тупик там, где у него обрывается нить происхождения, конечно, суров, но неопровержим. К сожалению, этого упрека заслуживает все наше естествознание. Там, где обрывается нить происхождения, оно попадает «в тупик» (1, 20, 73). Выходом, хотя, разумеется, фиктивным, мнимым, из этого тупика оказывается нередко признание «толчка извне», т. е. божественного вмешательства. И Энгельс далее констатирует, что, с точки зрения метафизика, там, «где обрывается нить происхождения», соответствующие тела природы, включая и живые существа, «должны были появиться на свет не иначе, как путем отдельного акта творения. Таким образом, мы опять возвращаемся к творцу и к тому, что

называют деизмом». Но как только мы взглянем на предмет нашего исследования с точки зрения идеи развития, т. е. с точки зрения диалектики, как исчезают все абсолютно резкие разрывы, делающие логически неизбежным принятие концепции творческого акта («первоначального толчка»). На место этой антинаучной, в корне ложной, идеалистической концепции приходит материалистическое положение о естественном происхождении всех существующих форм и проявлений окружающего нас мира, всех видов живой и неживой природы.

Так, диалектика, будучи проведена последовательно, обосновывает и утверждает материалистический взгляд на мир, являясь гносеологическим корнем последовательного философского материализма. Энгельс выразил эту мысль следующим образом: «...материалистическое воззрение на природу покоится теперь на еще более крепком фундаменте, чем в прошлом столетии... Теперь вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов, объясненная и понятая по крайней мере в основных чертах. Конечно, материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений...» (I, 20, 513).

Вполне понятно, каким внутренне противоречивым должно было оказаться в своей основе философское учение Гегеля, в котором противоположным образом сочетались два взаимоисключающих начала: диалектика, которая служит гносеологическим источником материализма, и идеализм с его гносеологическим источником — метафизикой и субъективизмом. В этих условиях диалектика Гегеля не могла не приводить логически в ряде случаев к материалистической позиции, при личной враждебности к материализму со стороны самого Гегеля.

Например, Ленин выделяет одну из заключительных фраз в гегелевской «Науке Логики». На полях Ленин записывает: «Переход от идеи к *природе*...» (2, 29, 214). Вслед за этим он подчеркивает: «Эта фраза на *последней*, 353-ей странице *Логики* архизамечательна. Переход логической идеи к *природе*. Рукой подать к материализму. Прав был Энгельс, что система Гегеля перевернутый материализм» (2, 29, 215).

После этого Ленин делает общий вывод, гласящий, что диалектический метод, будучи последовательно проведен Гегелем, практически исключает идеализм и приводит к материализму, иначе говоря, служит гносеологическим корнем последнего. «Замечательно, — резюмирует Ленин, — что вся глава об «абсолютной идее» почти ни словечка не говорит о боге (едва ли не один раз случайно вылезло «божеское» «понятие»), и кроме того — это NB — почти не содержит специфически *идеализма*, а главным своим предметом имеет *диалектический метод*. Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма. «Противоречиво», но факт!» (2, 29, 215).

В ряде случаев Ленин прямо указывает на те формулировки, где диалектика у Гегеля приводит к материализму, где, следовательно, сам Гегель облегчает перевертывание своей диалектики и постановку ее на материалистическую основу. Например, по поводу гегелевского положения — «То, что есть первое в науке, должно было оказаться и исторически первым» — Ленин замечает: «Звучит весьма материалистично!» (2, 29, 95). По поводу гегелевской характеристики закона — «царство законов есть *спокойное* (курсив Гегеля) отображение существующего или являющегося мира», — Ленин записал на полях: «Закон = спокойное отражение явлений NB», и вслед за этим раскрыл материалистическое зерно гегелевской характеристики закона: «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое... определение. Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен» (2, 29, 136).

Следовательно, в данном случае материалистическое положение содержится у Гегеля почти в готовом виде, его надо *только* вычленивать и сформулировать на языке диалектического материализма. Но это «только» представляет собой итог громадной работы, проведенной Лениным над *всем* сочинением Гегеля в целом, а вовсе не процесс случайного

вылавливания отдельных мест из гегелевской Логике. Здесь нет ничего похожего на простое механическое выхватывание отдельных подходящих кусочков и формулировок, извлеченных наугад из трудов Гегеля. Это — именно процесс коренной переработки *всей* гегелевской диалектики, взятой в *целом*, с позиций материализма.

В ряде случаев Ленин подчеркивает, что Гегель вплотную подходит к материализму, что в гегелевских положениях можно обнаружить его зачатки, хотя сам Гегель всячески чурается материализма и поносит философов-материалистов. Но он — диалектик, и его диалектика, будучи проведена максимально последовательно, приходит в столкновение, в неразрешимое противоречие с исходным пунктом всей системы идеалистической философии Гегеля, и неумолимо ведет к материализму.

Так, разбирая высказывание Гегеля об Эпикуре, Ленин заключает: «ЭТО ПОЧТИ ВПЛОТНУЮ ПОДХОД К ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ» (2, 29, 268). Точно так же по поводу гегелевского рассуждения насчет побудительных стимулов человеческих поступков, Ленин отмечает: «...подход к историческому материализму» (2, 29, 282). Далее Ленин записывает: «У Гегеля зачатки исторического материализма» (2, 29, 286) в связи с тем, что у Гегеля сказано: «Человек со своими потребностями относится к внешней природе практически; удовлетворяя свои потребности с помощью природы, он ее преодолевает, действуя при этом в качестве посредника».

С особенной силой Ленин выделяет у Гегеля те места, где Гегель воюет против абсолютизации наших знаний, против абсолюта вообще. Так, в гегелевском анализе философии скептиков Ленин выделяет пять *новых* «троп», содержащих диалектику и касающихся понятий (2, 29, 275), и тут же подчеркивает: «*против абсолюта Гегель!* Вот где зародыш диалектического материализма». Или еще: выписывая гегелевские рассуждения о сущности и явлении, о законе явлений, Ленин констатирует: «Тут вообще тьма темного. Но мысль живая есть, видимо: понятие *закона* есть *одна* из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса. «Обламывание» и «вывертывание» слов и понятий, которому здесь предается Гегель, есть борьба с абсолютизированием понятия *закона*, с упрощением его, с фетишизированием его. NB для современной физики!!!» (2, 29, 135).

Когда Гегель сопоставляет высказывания одного и того же нравственного изречения, по-разному звучащего в устах у юноши и при высказывании умудренным жизнью зрелым мужем, Ленин отмечает: «Хорошее сравнение (материалистическое)» (2, 29, 90).

Можно еще сослаться на ленинские замечания, высказанные по поводу гегелевского рассуждения о том, что «идеальность... превращается... в реальность...» Здесь Ленин подчеркивает, что это направлено против вульгарного материализма и, следовательно, подтверждает диалектический материализм: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*, — пишет Ленин, — очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма NB. Различие идеального от материального тоже не безусловно, не *überschwenglich* (не чрезмерно, не преувеличено. — Б. К.)» (2, 29, 104). Или еще, приведя высказывание Гегеля: «Если налицо все условия некоторой вещи, то она вступает в существование», Ленин замечает: «Очень хорошо! причем тут абсолютная идея и идеализм?» (2, 29, 132).

Сопоставляя «Гегель и диалектический материализм», Ленин показал, что на деле Гегель как диалектический идеалист непосредственно приближался к материализму и отчасти уже переходил фактически на его позиции, хотя сам Гегель и отвергал с порога материализм, приписывая ему антифилософское существо. «Гегель серьезно «верил», думал, — пишет Ленин, — что материализм как философия невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об *общем*, а общее есть мысль. Здесь он повторял ошибку того самого субъективного идеализма, который он всегда называл «дурным» идеализмом. Объективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошел вплотную к материализму, частью даже *превратился в него*» (2, 29, 250).

Такое приближение Гегеля вплотную к материализму Ленин отмечает также в связи с гегелевским пониманием роли практики в процессе познания. «Замечательно: к «идее», — отмечает Ленин, — как совпадению понятия с объектом, к идее как *истине*, Гегель подходит *через* практическую, целесообразную деятельность человека. Вплотную подход к тому, что *практикой* своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, пауки» (2, 29, 173). Немного ниже Ленин подробно выясняет то, что говорит «Гегель о практике и объективности познания» (2, 29, 193).

Ленин прослеживает, каково соотношение взглядов по данному вопросу у Гегеля и Маркса, иначе говоря, как относятся гегелевские положения к диалектическому и историческому материализму. «...Несомненно, — пишет Ленин, — практика стоит у Гегеля, как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной («абсолютной», по Гегелю) истине. Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания: см. тезисы о Фейербахе» (2, 29, 193).

В этой же связи Ленин отмечает «зачатки исторического материализма у Гегеля» (2, 29, 171). Более того, Ленин характеризует «ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК ОДНО ИЗ ПРИМЕНЕНИИ И РАЗВИТИИ ГЕНИАЛЬНЫХ ИДЕЙ — ЗЕРЕН, В ЗАРОДЫШЕ ИМЕЮЩИХСЯ У ГЕГЕЛЯ» (2, 29, 172). Отмечая решающую роль практики как критерия истины, Ленин пишет: «Когда Гегель старается — иногда даже: тщится и пыжится — подвести целесообразную деятельность человека под категории логики, говоря, что эта деятельность есть «заключение» (Schluß), что субъект (человек) играет роль такого-то «члена» в логической «фигуре» «заключения» и т. п., — ТО ЭТО НЕ ТОЛЬКО НАТЯЖКА, НЕ ТОЛЬКО ИГРА. ТУТ ЕСТЬ ОЧЕНЬ ГЛУБОКОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ЧИСТО МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ. НАДО ПЕРЕВЕРНУТЬ: ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ. ЭТО NOTA VENE» (2, 29, 172).

У Гегеля сказано (а Ленин подчеркивает начальные слова выписанной им фразы), что «*во всем природном, научном и духовном развитии вообще* оказывается, и очень важно убедиться в этом, что первое, пока нечто есть лишь *внутреннее* или также внутри своего *понятия*, именно потому есть лишь непосредственное, пассивное наличное бытие последнего» (2, 29, 139). Ленин, как он и обычно делает в таких случаях, дает прежде всего свое толкование процитированного гегелевского рассуждения, раскрывая спрятанный в нем смысл: «Начало всего может быть рассматриваемо, как внутреннее — пассивное — и в то же время внешнее.

Но интересно здесь не это, а иное, — добавляет Ленин, — нечаянно проскользнувший *критерий* диалектики у Гегеля: «*во всем природном, научном и духовном развитии*»: вот где *зерно* глубокой истины в мистической шелухе гегельящины!»

Приведем пример того, как Ленин выделяет у Гегеля «*главное*». Гегель пишет (а Ленин подчеркивает): «Здесь... понятие следует рассматривать... как понятие в себе и для себя, образующее **СТУПЕНЬ КАК ПРИРОДЫ, ТАК И ДУХА. ЖИЗНЬ, ИЛИ ОРГАНИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ЕСТЬ ТА СТУПЕНЬ ПРИРОДЫ, НА КОТОРОЙ ВЫСТУПАЕТ ПОНЯТИЕ**» (2, 29, 151). Отчеркнув подчеркнутую часть фразы четырьмя жирными линиями, Ленин записал на полях: «Канун» превращения объективного идеализма в материализм».

Наконец, еще один пример, где Ленин выделяет материалистический элемент в гегелевской диалектике, делая это путем многократного отчеркивания (он проводит 7 линий на полях и ставит *NB*): «Развитие» с *лез Ekrennens* (познания.— Б. К), — пишет Гегель, — ...«должно определяться природой вещей и самого содержания» (2, 29, 93).

Так Ленин подготавливал и осуществлял «переворты» гегелевской диалектики, опираясь как на опорные пункты на те зерна материализма, которые зарождались в этой диалектике и к которым она приводила как их гносеологический источник.

«Умный» идеализм и его близость к материализму.

Критика кантианства с позиций «умного» идеализма

Один из ленинских принципов и вместе с тем приемов материалистической переработки диалектики Гегеля заключается в учете той критики, какой подвергал Гегель с позиции более последовательного (объективного) идеализма представителей менее последовательного идеализма, в том числе Канта. С особенной силой Гегель критиковал крайние формы субъективного идеализма, объявляя его «дурным» идеализмом. Аргументы Гегеля в пользу объективности, направленные против субъективизма и агностицизма, при соответствующей материалистической трактовке этих аргументов, могут явиться строительным материалом для создания материалистической диалектики (путем «перевертывания» диалектики Гегеля). Именно в этой связи раскрывается истинное значение и глубочайший смысл ленинского афоризма: «Когда *один* идеалист критикует основы идеализма *другого* идеалиста, от этого всегда выигрывает *материализм*. Ср. Аристотель *versus* (по отношению. — Б. К.) Платон *etc.* Гегель *versus* Кант *etc.*» (2, 29, 255).

Поскольку Кант на первый план в своем идеализме и агностицизме выдвигает субъективный момент, а Гегель противопоставляет ему принцип объективности, постольку аргументация Гегеля льет воду на мельницу материализма. Точно так же метафизическим разрывам и резким противопоставлениям противоположных сторон единого (согласно принципу «или-или»), что нередко наблюдается у Канта и других философов субъективистского толка, Гегель противопоставляет идею диалектического единства противоположностей (согласно принципу «и-и»), чем подрывает гносеологические корни не только субъективного идеализма, но и идеализма вообще как философского течения.

«*Кажимость и скептицизм respective* (соответственно. — Б. К.) *кантианство*» (2, 29, 116) — так озаглаживает Ленин выписанное им место из Гегеля, где, в частности, сказано: «...*новейший идеализм не позволял себе смотреть на познание как на знание о вещи в себе; эта кажимость вообще не должна была бы иметь основы какого-либо бытия...*». Перефразируя гегелевскую критику субъективизма, Ленин как бы вкладывает Гегелю в уста следующее обращение к скептикам и кантианцам: «Вы включаете в *Schein* (кажимость. — Б. К.) все богатство мира и вы отрицаете объективность *Schein'a!*» (2, 29, 117).

Подобная критика субъективизма Гегелем может быть широко использована материализмом, причем для борьбы не только против агностицизма и субъективного идеализма, но и философских основ идеализма вообще.

Такую же картину мы находим в случае гегелевской критики субъективизма кантовского учения о логических формах, о категориях логики. При этом Гегель наносит удар по основному пункту кантовского агностицизма — учению о непознаваемой вещи в себе. Все это Ленин тщательно учитывает в интересах материализма, извлекая прямую пользу для материализма из борьбы Гегеля против Канта, а тем самым одновременно реализуя свой принцип материалистической переработки гегелевской диалектики.

Ленин резюмирует позицию Гегеля, осуществляя при этом одновременно и ее «переворачивание»: «Конечный, преходящий, относительный, условный характер человеческого познания (его категорий, причинности и т. д. и т. д.

Стр. 24—35

Отвержение критикуемых взглядов с порога — признак метафизического и вульгарного подхода к критике своих предшественников. Исправление их взглядов, преодоление их слабости и недостатков — признак диалектического подхода. Такова ленинская оценка обоих подходов. Поэтому исправляя недостатки кантовских воззрений, преодолевая их непоследовательность и субъективизм, Гегель уже тем самым приближался к диалектическому материализму, невольно помогая будущим своим критикам из лагеря марксизма переводить свою, т. е. гегелевскую, диалектику на рельсы материализма.

Резюмируя свое отношение к этому вопросу, Ленин писал: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый» (2, 29, 248).

Такая постановка вопроса Лениным показывает, что в борьбе диалектического материализма против «глупого» (ограниченного, непоследовательного) идеализма большую поддержку может оказать «умный» (т. е. диалектический) идеализм. Вот почему Ленин записал в качестве плана на будущее: «К Гегелю надо бы вернуться для разбора шаг за шагом какой-либо ходячей логики и *теории познания* кантианца и т. п.» (2, 29, 160). В таком повторном обращении к Гегелю и к его диалектике при критическом разборе «ходячих», модных логических и гносеологических концепций современных кантианцев, махистов и т. п. содержится один из важных путей и способов материалистической переработки гегелевской диалектики, согласно ленинским планам и замыслам.

Выявление рационального зерна гегелевской диалектики в целях ее материалистической переработки

Попробуем на нескольких образцах проследить, каким путем Ленин осуществляет самый процесс переработки гегелевской диалектики с позиций материализма. Этот путь в каждом отдельном случае состоит в том, чтобы выявить рациональное зерно гегелевской диалектики в его конкретном виде, применительно к данному конкретному случаю.

Первый образец касается вычленения из гегелевской Логике основных контуров диалектической картины мира. О вопросах перехода основания (Grund) в условие (Bedingung) и о предшествующих проблемах, изложенных в конце первого отдела («сущность как рефлексия в себе самой») гегелевского учения о сущности, Ленин отмечает: здесь у Гегеля много мистицизма и пустого педантизма, «но гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, *живой* связи всего со всем и отражения этой связи — materialistish auf der Kopf gestellter Hegel (здесь в смысле: материалистически перевернутый Гегель. — Б. К.) — в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» (2, 29, 131).

Вычленив и сформулировав основную идею Гегеля и назвав ее гениальной, Ленин рисует более детально в общих чертах диалектическую картину мира, которая возникает на базе такой идеи: «Река и *капли* в этой реке. Положение *каждой* капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения... Понятия как *учеты* отдельных сторон движения, отдельных капель (= «вещей»), отдельных «*струй*» etc. Вот à peu près (приблизительно. — Б. К.) картина мира по Логике Гегеля, — конечно, минус боженька и абсолют» (2, 29, 131 — 132). Материалистический образ движущейся реки как рычаг для «перевертывания» гегелевской диалектики Ленин использует и в другом месте, когда речь заходит у Гегеля о соотношении существенного и несущественного: «В несущественном, в кажимости есть момент небытия», — записывает Ленин мысль Гегеля и дает ей материалистическую трактовку: «т. е. несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как сущность». Etwa (примерно. — Б. К.): движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. *Но и пена* есть выражение сущности!» (2, 29, 116). Так вырисовывается, по Ленину, картина мира в результате непосредственной очистки гегелевской диалектики от абсолюта, от идеализма и мистики.

В этой картине мира Ленин особо выделяет идею развития абстрактных понятий, их диалектических переходов от одного к другому. Это и составляет также рациональное зерно гегелевской диалектики. Так, выписав высказывание Гегеля об истине, Ленин с материалистических позиций формулирует то рациональное, что содержится в этом высказывании, и очищает это рациональное от специфически гегелевского идеализма. Ленин пишет: «*Совокупность* всех сторон явления, действительности и их (взаимо)отношения — вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, *причем* эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира. Диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот» (2, 29, 178).

Здесь гегелевской идеалистической концепции (диалектика идей, мышления, сознания создает диалектику вещей, диалектику объективного мира) Ленин со всей четкостью противопоставил диаметрально противоположную материалистическую концепцию (диалектика вещей создает диалектику идеи). Тем самым Ленин перевернул гегелевскую концепцию и вместе с тем вскрыл ее рациональное зерно, отметив его на полях: «Гегель гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*) в диалектике понятий...»

Свою оценку Ленин тут же развил дальше: «Этот афоризм, — записал он, — надо бы выразить популярнее, без слова диалектика: примерно так: Гегель гениально *угадал* в смене, взаимозависимости *всех* понятий, в *тождестве их противоположностей*, в *переходах* одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий **ИМЕННО ТАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ВЕЩЕЙ, ПРИРОДЫ**» (2, 29, 179). «Именно *угадал*, не больше», — еще раз отметил Ленин на полях.

Здесь снова со всей силой подчеркивается противоположность гегелевского идеализма и философского материализма: Гегель *угадал* в диалектике понятии диалектику вещей, а материализм в основу кладет признание того, что диалектика понятий лишь отражает диалектику вещей. И все это на фоне прослеживания у Гегеля главного рационального зерна его диалектики — признания всеобщей связи понятий и их взаимных переходов друг в друга. С этих позиций Ленин критикует Куно Фишера, который обходит главное в диалектике Гегеля, «...беря *более легкое* — примеры из *Энциклопедии*, добавляя пошлости... etc., но не указывая читателю на то, *как* искать ключа к трудным переходам, оттенкам, переливам, отливам гегелевских абстрактных понятий» (2, 29, 158).

В связи с этим в противоположность Купо Фишеру Ленин характеризует рациональное зерно гегелевской диалектики, завуалированное вследствие абстрактного и темного ее изложения: «Видимо, и здесь главное для Гегеля *наметить переходы*, — подчеркивает Ленин. — С известной точки зрения, при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее» (2, 29, 159). Это положение Ленин развил подробнее в фрагменте «К вопросу о диалектике».

Далее, продолжая характеризовать рациональное зерно гегелевской диалектики, Ленин записал: «Не только (1) связь, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но (2) *переходы* одного в другое, и не только переходы, но и (3) *тождество противоположностей* — вот что для Гегеля главное. Но это лишь «просвечивает» сквозь *туман* изложения архи-«abstrus» (2, 29, 159). Свою задачу Ленин видел в том, чтобы рассеять этот туман, выделить в явном виде то рациональное в диалектике Гегеля, что было окружено этим туманом и только просвечивало через него, поставить это рациональное на материалистические основы и тем самым коренным образом переделать гегелевскую диалектику.

Прослеживая гегелевский анализ форм умозаключения и вообще форм, в которых совершается движение человеческой мысли, Ленин отмечает, что и здесь рациональное зерно составляет переходы одних форм мышления в другие: «*Переход* заключения по аналогии (об аналогии) к заключению о необходимости, — заключения по индукции — в заключение по аналогии, — заключения от общего к частному, — заключение от частного к общему, — изложение *связи и переходов* [связь и есть переходы], вот задача Гегеля. Гегель действительно *доказал*, что логические формы и законы не пустая оболочка, а отражение объективного мира. Вернее, не доказал, а *гениально угадал*» (2, 29, 162).

Подобное угадывание Гегелем объективной диалектики в диалектике мышления Ленин вскрывает и прослеживает в ряде других мест, видя в этом опять-таки рациональное зерно гегелевских воззрений, помогающее осуществлять их перестановку «с головы на ноги». Так, в связи с гегелевской критикой обычной логики, где формалистически отделяют мышление от объективности, Ленин выписывает рассуждение Гегеля, что «на деле... субъективность есть лишь ступень развития из бытия и сущности, — а потом сия субъективность «диалектически «прорывает свой предел»» и «через заключение

раскрывается в объективность» (2, 29, 165). «Очень глубоко и умно! — констатирует Ленин. — Законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека».

Замечу, что никак нельзя изображать противоположность между материалистической диалектикой и гегелевской следующим образом: у Гегеля была, дескать, диалектика понятий, а нужна диалектика вещей. В результате получилась бы своеобразная «онтологизация» диалектики, умаление и даже полное отрицание субъективной диалектики, а взамен нее признание одной лишь объективной диалектики (диалектики внешнего мира — природы и общества). Такая позиция не имела бы ничего общего с ленинскими принципами и приемами материалистической переработки гегелевской диалектики путем вычленения из нее ее рационального зерна и постановки его на почву материализма. Гегель, как идеалист, признавал примат диалектики идей по отношению к диалектике вещей. «Реализованное понятие» есть объект. «Мир есть инобытие идеи» (2, 29, 165), — так записывает Ленин кредо гегелевского идеализма.

«Перевертывая» воззрения Гегеля, превращая угаданное Гегелем действительное отношение между диалектикой вещей (первичной) и диалектикой идей (вторичной, являющейся отражением первой), Ленин сформулировал положение материалистической диалектики о том, что в движении идей (понятий) отражается движение вещей (объективного мира). Значит, не отбрасывание диалектики понятий в духе пошлого «онтологизма», а признание ее, но не в гегелевском, а в материалистическом смысле (понятия, идеи суть отражения вещей) — такова позиция Ленина. «*В чем состоит диалектика?*» — ставит Ленин вопрос и отвечает: «взаимозависимость понятий», «взаимозависимость *всех* понятий без исключения», «переходы понятий из одного в другое», «переходы *всех* понятий без исключения», «Относительность противоположности между понятиями... тождество противоположностей между понятиями. Каждое понятие находится в известном *отношении*, в известной связи со *всеми* остальными» (2, 29, 179).

Никакого даже малейшего налета нелепого «онтологизма» здесь нет у Ленина и в помине. Диалектика трактуется Лениным с точки зрения движения человеческих понятий (познания), отражающих объективный мир. И это не отдельная случайная запись у Ленина, а самая суть всей ленинской концепции, в которой выражены ленинские принципы и приемы материалистической переработки гегелевской диалектики.

Записывая свои мысли о диалектике, возникающие при чтении Гегеля, Ленин, например, обращает внимание на следующее рассуждение Гегеля: «Когда о вещах говорят, что они — конечны, то этим признают, что их небытие есть их натура («небытие есть их бытие»). «Они» (вещи) «*суть*, но истина этого бытия есть их *конец*» (2, 29, 98). Вскрывая здесь рациональное зерно гегелевской диалектики, Ленин отмечает: «Остроумно и умно! Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них *есть* движение. Конечный? значит, *двигающийся* к концу! Нечто? — значит, *не то*, что другое. Бытие вообще? — значит, такая неопределенность, что бытие = небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективное эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» (2, 29, 98—99). Здесь вновь и вновь со всей очевидностью выступает тот факт, что Ленин подходил к переработке гегелевской диалектики понятий отнюдь не с позиций пресловутого «онтологизма», а с позиций материалистической диалектики, органически включающей в себя марксистскую теорию отражения и логику.

Когда Гегель определил диалектику идеалистически как «чистое движение мысли в понятиях», Ленин перевернул это определение, взяв из него его рациональное зерно: «Диалектика вообще есть «чистое движение мысли в понятиях», — записал Ленин и разъяснил в скобках, что это должно означать с материалистической точки зрения, — (т. е., говоря без мистики идеализма: человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни.

Анализ понятий, изучение их «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов» (2, 29, 226—227).

Такое понимание рационального зерна гегелевской диалектики мы встречаем в других трудах Ленина. Так, в статье «Три источника и три составных части марксизма» (1913 г.) Ленин характеризует диалектику — это главное из приобретений немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, — как «...учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи» (2, 23, 43—44). В статье «Карл Маркс» (1914 г.) Ленин определил диалектическую философию словами Энгельса, что «она сама является лишь простым отражением этого процесса (развития. — Б. К.) в мыслящем мозгу» (2, 26, 54).

Все эти различные характеристики гегелевской диалектики как противоположной, с одной стороны, вульгарному материализму и голому «онтологизму», а с другой, субъективизму и агностицизму, Ленин объединил в одной общей формуле, выражающей, по его мнению, «суть дела». Давая характеристику гегелевского понимания диалектической логики с ее вопросом об истине, Ленин замечает: «В таком понимании логика совпадает с *теорией познания*. Это вообще очень важный вопрос» (2, 29, 156). Приведя слова Гегеля: «Природа, эта непосредственная цельность, развертывается в логическую идею и в дух», Ленин материалистически истолковывает эту мысль так: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = «логическая идея») и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (2, 29, 163—164). Но это рациональное в гегелевской диалектике не дано как готовое, в его чистом виде, а потому нуждается в серьезном очищении от его идеалистических извращений. Ленин замечает: «Гегель *«только»* обожествляет эту «логическую идею», закономерность, всеобщность» (2, 29, 164).

В дальнейшем Ленин продолжает углублять мысль о единстве диалектики, логики и теории познания у Гегеля. Он отмечает места в Энциклопедии, представляющие собой «ЕДВА ЛИ НЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ» и добавляет: «Здесь же замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии» (2, 29, 174). И далее: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» (2, 29, 301). Наконец, во фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин записал: «Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (2, 29, 321). В наше время подобную, раскритикованную В. И. Лениным, позицию, можно обнаружить, например, в трактовке диалектики с позиций голого «онтологизма», когда тем самым отрицается единство (тождество, или совпадение) диалектики с теорией познания материализма в марксистской философии.

Напротив, Ленин, как мы показали выше, видел *суть* дела в слиянии диалектики с теорией познания. Насколько большое значение он придавал этому вопросу, видно из того, что в статье «Карл Маркс» он привел слова Энгельса, гласившие, что от прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». После этого Ленин уже от себя добавил: «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от не знания к познанию» (2, 26, 54—55). Эту мысль Ленин высказал еще раньше в «Материализме и эмпириокритицизме» (2, 18, 102).

Рассмотрим конкретно, как именно Ленин брал у Гегеля рациональное зерно его диалектики и, очистив от идеализма, переводил на рельсы материализма. Например, Ленин выясняет то, каким образом выступает у Гегеля «практика в теории познания». По Гегелю,

субъективное понятие ведет себя в качестве всеобщего в теоретической и практической идее. Уверенность же субъекта в себе «...есть уверенность в своей действительности и *недействительности* мира...» (2, 29, 194). Ленин прежде всего переводит это рассуждение Гегеля с его туманного языка на понятный язык, полностью сохраняя весь смысл, вложенный сюда самим Гегелем: «Alias (другими словами. — Б. К.): Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (2, 29, 194).

Из всего, что было сказано выше, ясно видно, что в аналогичных случаях Ленин «перевертывал» подобного рода идеалистически извращенные Гегелем отношения между бытием и мышлением. Ленин всюду стремился отыскать, как сквозь туман идеализма у Гегеля все же «просвечивает» признание того, что в понятиях (в мышлении) человека отражается объективный мир, а вовсе не творится, не создается. Эту последнюю концепцию Ленин попросту отбрасывает и жестоко высмеивает. Например, когда Гегель утверждает, что будто бы в логике идея «становится творцом природы» (2, 29, 155), Ленин на полях делает саркастическую заметку: «!! Ха— ха!»

Совершенно очевидно, что и в этом вопросе Ленин полностью исходил из принципов учения Маркса, которые считал незыблемыми. Хорошо известны слова Маркса, сказанные в Послесловии ко 2-му изданию 1-го тома «Капитала»: «Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (1, 23, 21). Ленин цитирует эти слова в статье «Карл Маркс» (2, 26, 51).

«Философские тетради» явились прямым продолжением книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Центральный пункт этой книги, ее краеугольный камень, заключен в материалистическом решении основного вопроса всякой философии об отношении сознания к бытию, мышления к материи. Говоря о материализме вообще и об историческом материализме в частности, Ленин пишет: «Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение» (2, 18, 346). Совершенно ясно, что положение, гласящее, что сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его, выражает «перевернутый» гегелевский идеалистический взгляд на отношение сознания к бытию, сформулированный Лениным своими словами («Alias»).

Но, как и везде, Ленин и здесь ищет рациональное зерно в гегелевской диалектике, стремясь освободить его от идеализма и поставить «с головы на ноги». В приведенном положении Гегель по свой идеалистический лад характеризует активную, направляющую роль человеческого сознания в ходе практического преобразования мира человеком. Еще Маркс в 1-м тезисе о Фейербахе объяснил причину того, почему случилось так, что «...*деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» (1, 3, 1). Свой же взгляд, в противоположность идеализму и созерцательному материализму, Маркс сформулировал, как известно, в 11-м тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (1, 3, 4).

Эти положения Маркса, несомненно, служили Ленину отправными пунктами при выделении рационального зерна из гегелевской диалектики, касающегося активной роли сознания человека. Вот пример того, как Ленин начинает очищать от идеализма и «переворачивать» гегелевские положения: «Понятие (= человек) как субъективное снова предполагает само-в-себе сущее инобытие (= независимую от человека природу). Это понятие (= человек) есть *стремление* реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя» (2, 29, 194).

После того как Ленин снова записал, что уверенность субъекта в себе «есть уверенность в своей действительности и в *недействительности* мира» (2, 29, 194), он

резюмирует свой материалистический взгляд по данному вопросу, полностью совпадающий с 11-м тезисом Маркса о Фейербахе: «... т. е. что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» (2, 29, 195). Таким образом, здесь мы видим, как совершается процесс выявления Лениным рационального зерна в гегелевской диалектике, очистки его от идеализма и перевертывания самой гегелевской диалектики «с головы на ноги».

Развитие Лениным рационального зерна гегелевской диалектики

Теперь рассмотрим образец того, как Ленин не только находил рациональное зерно гегелевской диалектики, не только очищал его от идеализма, но и как он развивал его дальше, уже с позиций материалистической диалектики. Речь идет, в частности, о разработке Лениным известных 16 элементов диалектики.

В конце своей «Науки Логике» Гегель ставит вопрос об общей характеристике диалектического метода. Ленин записывает: «Этот метод» «абсолютного познания» *аполитичен*, ... «но он также и *синтетичен*...» (2, 29, 201). Вслед за этим Ленин выписывает из Гегеля положение по-немецки. Отчеркнув его двумя чертами, Ленин на полях записал: «Одно из определений *диалектики*», после чего перевел на русский язык сделанную им по-немецки выписку: «Этот столь же синтетический, как и аналитический момент *суждения*, в силу какового (момента) первоначальная общность [общее понятие] само из себя определяется как другое по отношению к себе, должен быть назван диалектическим». Заклучив эту фразу в рамки, Ленин дал ей следующую критическую оценку: «Определение не из ясных!!»

Чтобы прояснить процитированное гегелевское определение, иначе говоря, чтобы выявить скрытый в нем рациональный смысл, Ленин подвергает его тщательному критическому разбору. Всякое определение обычно включает в себя указание на существенно определяющие признаки определяемого предмета или понятия. Ленин в данном случае выделяет три таких признака, содержащихся в гегелевском определении. При этом там, где у Гегеля стоит «понятие» в духе идеалистической концепции, Ленин ставит «вещь», материалистически перевертывая и здесь гегелевскую диалектику. В итоге Ленин формулирует:

«1) Определение понятия самого из себя [*сама* вещь в ее отношениях и в ее развитии должна быть рассматриваема];

2) противоречивость в самой вещи (*das Andere seiner*), противоречивые силы и тенденции во всяком явлении;

3) соединение анализа и синтеза.

Таковы элементы диалектики, по-видимому» (2, 29, 202).

Дальше Ленин приступает к развертыванию каждого из этих признаков («элементов») диалектики. Он записывает: «Можно, пожалуй, детальнее эти элементы представить так».

Первый признак («элемент») гегелевского определения диалектики Ленин материалистически развернул в три самостоятельных элемента, выражающих требование строго научного, объективного подхода, при котором изучается сам предмет, а не подменяется его изучение эклектическим подбором примеров, искусственным выхватыванием фактов из их общей связи. Эти элементы диалектики получили у Ленина дальнейшую конкретизацию при освещении им национального вопроса в годы первой мировой войны. В статье «Статистика и социология» (1917 г.) Ленин указывал, что тут особенно необходимы точные, бесспорные факты, если хотят разобраться в таком сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом умышленно запутываемом. «Но как собрать факты? — ставил вопрос Ленин, — как установить их связь и взаимозависимость?» (2, 30, 350).

Отвечая на этот вопрос, Ленин, по сути дела, применяет и конкретизирует как раз элементы (признаки) диалектики, требующие *объективности* рассмотрения и учета всей совокупности *отношений* изучаемой вещи к другим вещам. Ответ Ленина гласил: «Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная

вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» (2, 30, 350).

Стр. 42-51

Так, материалистически переработанная и развитая далее Лениным гегелевская диалектика выступала в ленинских трудах в качестве острейшего методологического инструмента для руководства к революционному действию, в целях марксистского объяснения мира и его революционного преобразования. В самом процессе материалистической переработки диалектики Гегеля и ее дальнейшего развития решающим фактором и движущим началом у Ленина служили запросы теории и практики революционного движения пролетариата.

Заметим, что материалистическую диалектику Ленин применял в теоретическом анализе и в практической деятельности не отдельными ее кусочками (элементами, принципами, законами, чертами), а только в целом, как единый научный метод познания мира и его изменения. Однако в зависимости от характера данного конкретного явления или конкретных условий его протекания на первый план могла выступать та или другая отдельная сторона диалектики, проявляясь при этом явственнее и резче, нежели другие ее стороны. Тем не менее это отнюдь не означало, что будто бы в данном случае Ленин применял не весь диалектический метод как единое целое, но лишь одну данную его сторону. Диалектика всегда выступала у Ленина как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии.

Ленинская трактовка двух стержневых положений гегелевской диалектики

Первое положение можно определить как *единство исторического и логического*, как рассмотрение самой диалектики (диалектической логики) в качестве итога истории человеческой мысли, вывода из ее развития. Уже в самом начале ленинского конспекта гегелевской «Науки Логики» мы читаем: «*Движение* научного познания — вот суть» (2, 29, 79). Далее Ленин выделяет слова Гегеля, ставя жирное NB: «итог опыта наук» (2, 29, 90). На последующих страницах Ленин прослеживает это положение у Гегеля в «Науке Логики» («большой Логике»), в «Энциклопедии» («малой Логике») и в «Лекциях по истории философии». Диалектика как логика выступает у Гегеля как итог, резюме, вывод, сумма, квинтэссенция истории познания мира, истории науки. Поэтому Ленин отмечает у Гегеля именно этот момент в его диалектике, а именно: *движение* познания, путь, проходимый им. Так, отметив, что у Гегеля «переход бытия к сущности (Wesen) изложен сугубо темно» (2, 29, 114), Ленин затем выписывает следующее рассуждение Гегеля, причем выделяет в нем те места, где речь идет именно о движении познания, о проходимом им пути: «Бытие есть непосредственное. Так как знание хочет познать истину того, что такое бытие *в себе и для себя*, то оно не останавливается» (*не останавливается* NB) «на непосредственном и его определениях, но *проникает* (NB) через (NB) него в предположении, что за (курсив Гегеля) этим бытием есть еще нечто иное, чем самое бытие, что этот задний план составляет истину бытия. Это познание есть опосредствованное знание, так как оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинает с чего-то другого, с бытия, и должно проделать предварительный путь, путь выхождения за бытие или, правильнее, вхождения в него» (2, 29, 115). На полях Ленин записал: «*путь*».

Такой подход позволил Ленину вскрыть рациональное зерно в построении всей гегелевской Логике с ее основным делением на три учения: о бытии, о сущности и о понятии. Эту общую архитектонику гегелевской диалектики Ленин истолковал с материалистических позиций именно на основе единства исторического и логического: «Понятие (познание), — пишет Ленин, — в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания и политической экономики* [и истории]. Диалектика Гегеля есть, *постольку*, обобщение истории мысли» (2, 29,

298). В соответствии с этим Ленин тут же делает вывод: «В логике история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления» (2, 29, 298).

Особенно пристальное внимание Ленин направляет на выяснение того, как, исходя из единства исторического и логического, Гегель трактует категории диалектики, в какой последовательности Гегель их располагает. Уже в самом начале своей работы над сочинениями Гегеля Ленин записал: «Видимо, Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в связи со всей историей философии. Это дает еще *новую* сторону всей Логике» (2, 29, 104). Перед этим Ленин прослеживает путь гегелевских рассуждений, касающихся того, как логические категории проявляются в качестве ступеней познания. «Перед человеком, — пишет Ленин, — *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (2, 29, 85).

В другом месте Ленин вскрывает подлинный смысл гегелевского рассуждения о том, что ступени бытия и сущности, понятия и объективности «...оказываются диалектичными и их истина состоит лишь в том, что они *суть моменты идеи*» (2, 29, 180). Смысл этого гегелевского положения Ленин передает так: «Моменты познания (= «идеи») человеком природы — вот что такое категории логики» (2, 29, 180).

Аналогичным образом Ленин поступает при раскрытии подлинного смысла гегелевских положений о том, что отношение субстанциальности переходит в отношение каузальности и что «субстанция обладает... действительностью лишь как причина» (2, 29, 142). Этот смысл Ленин передает так: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции. Двоякого рода примеры должны бы пояснять это: 1) из истории естествознания и 2) из истории философии» (2, 29, 142—143). Но Ленин тут же поправляет самого себя: «Точнее: не «примеры» тут должны быть — *comparaison n'est pas raison* (сравнение не есть доказательство. — Б. К.), а *квинтэссенция* той и другой истории + истории техники» (2, 29, 143). Снова Ленин подчеркивает, что нужна «история мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики...» (2, 29, 159). Эта идея красной нитью проходит через весь ленинский конспект гегелевской «Науки Логике». С этих, по существу, позиций Гегель излагает развитие философской мысли, «прослеживая, — по словам Ленина, — преимущественно *диалектическое* в истории философии» (2, 29, 223).

Все это, вместе взятое, объясняет программное положение, сформулированное Лениным на основании изучения гегелевской диалектики и ее материалистической переработки Марксом и Энгельсом: «Продолжение дела Гегеля и Маркса (и Ленина, добавим мы теперь. — Б. К.) должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (2, 29, 131).

Очевидно, стремясь сам продолжить дело Гегеля и Маркса, Ленин составил свои собственные планы изложения и разработки теории материалистической диалектики на основании единства исторического и логического. В этих планах раскрывался генезис диалектики как логики и теории познания, как общего итога, резюме или квинтэссенции всей истории человеческой мысли, всей науки вообще. В одном из этих планов (он содержится в ленинском конспекте книги Лассалья о философии Гераклита) перечислены «... те области знания, из коих должна сложиться и теория познания и диалектика» (2, 29, 314). В другом плане, носящем название «План диалектики (Логике) Гегеля», Ленин наметил, каким образом во всех этих областях знания можно и нужно раскрыть диалектику как логику и теорию познания путем обобщения истории наук — естественных и гуманитарных. При этом Ленин трактует категории диалектики как «...моменты (шаги, ступени, процессы) познания...», которые «...направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (= абсолютной идее)» (2, 29, 301).

Этим Ленин давал ответ на поставленный им вопрос по поводу того, что иногда Гегель идет от абстрактного к конкретному, иногда же наоборот. «Не есть ли это непоследовательность идеалиста (то, что Marx называл *Ideenmystik* у Гегеля)? Или есть более глубокие резоны?» (2, 29, 298), — спрашивал Ленин. Его ответ гласил: более глубокие резоны состоят здесь в том, что последовательность логических категорий отражает в обобщенной форме реальный исторический ход развития человеческой мысли, развития самой науки. Так обстоит дело с первым стержневым положением гегелевской диалектики, которое было особо выделено Лениным.

О втором стержневом положении было уже отчасти сказано выше. Оно касается гегелевского учения о противоречии как источнике всякого движения и самодвижения, как движущем стимуле всякого развития. «Диалектическое = «охватить противоположности в их единстве» (2, 29, 90) — так записывает Ленин понимание Гегелем существа всей диалектики. Вот почему Ленин так тщательно и так подробно выписывает рассуждение Гегеля по поводу того, что «обычное нежничанье с вещами, заботящееся лишь о том, чтобы они не противоречили себе, забывает здесь, как и в других случаях, что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место...» (2, 29, 121). «(Эта ирония мила! — замечает в скобках Ленин. — «Нежничанье» с природой и историей (у филистеров) — стремление очистить их от противоречий и борьбы)...» (2, 29, 122).

Действительно разрешенное противоречие есть, по Гегелю (и Ленин это выписывает), «основание, сущность, как единство положительного и отрицательного...» Развивая эту мысль, Гегель охватывает и выражает ее в одном предложении (а Ленин выписывает его): «*все вещи в самих себе противоречивы*; и именно смысл *этого предложения* таков, что оно сравнительно с прочими скорее выражает *истину и сущность вещей*» (2, 29, 124). И далее: «...противоречие следовало бы считать за нечто более глубокое и существенное. Ибо в противоположность ему тождество есть определение лишь простого непосредственного, мертвого бытия; противоречие же есть *корень всякого движения и жизни*; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно *движется, обладает импульсом и деятельностью*... Но, далее, противоречие не следует считать просто какой-то аномалией, встречающейся лишь кое-где: оно есть отрицательное в его существенном определении, *принцип всякого самодвижения*, состоящего не в чем ином, как в некотором изображении противоречия» (2, 29, 125). Эти положения Ленин прослеживает и в других местах гегелевской Логики.

С особенной силой Ленин подчеркивает, что «...диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*...» (2, 29, 227). «Движение есть противоречие, есть единство противоречий» (2, 29, 231). Выписав гегелевское положение о затрудненности процесса мышления, поскольку в ходе его приходится рассматривать предметы, явления, как разделенные, хотя они в действительности взаимосвязаны, Ленин ставит на полях: «верно!» (2, 29, 232). «Мы не можем, — пишет далее Ленин, — представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и *всякого* понятия.

И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» (2, 29, 233). Эту же мысль Ленин развивает дальше, когда пишет, что движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически, т. е. противоречиво: «...отойти, чтобы вернее попасть — *reculer pour mieux sauter (savoir?)* (отступить, чтобы лучше прыгнуть (познать?) — Б. К.)» (2, 29, 252).

Свой фрагмент «К вопросу о диалектике» Ленин начинает с изложения ядра (или сути) диалектики: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей, его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель...» (2, 29, 316).

Противопоставляя далее две концепции развития — механистическую (метафизическую) и диалектическую, Ленин отмечает их существенные отличительные

характеристики: «При первой концепции движения остается в тени *самодвижение*, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «само» движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего» (2, 29, 317). Идея «самодвижения», как выражающая самую суть диалектики, чрезвычайно импонирует Ленину. В работе «Еще раз о профсоюзах...» (1921 г.), давая общую характеристику диалектической логике, Ленин в качестве второго ее условия (или требования) назвал следующее: «...диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении» (2, 42, 290).

С трактовкой единства противоположностей как сути диалектики связан у Гегеля вопрос о способе, или методе, изложения самой диалектики, и Ленин это обстоятельство особо отмечает. Говоря о способах изложения диалектики, Ленин категорически отвергал такой, когда диалектика излагается как простая сумма законов, принципов и категорий — с приведением некоторого числа примеров из различных областей предметного мира и науки. Конспектируя письмо Маркса от 9 декабря 1861 г., содержащее критику Лассаля за его ложную трактовку диалектики, Ленин в 1913 г. записал: «Лассаль «идеолог» и фальшиво применяет диалектику: («Подведение массы случаев под общий принцип не есть диалектика»)» (3, 298). Подобное подведение массы частных случаев под одно общее положение и есть сведение диалектики к набору примеров, что практически лишает ее права быть наукой. Ленин выразил свое резко критическое отношение к подобному методу, охарактеризовав его как ненаучный, лишенный *объективности*. Этому методу Ленин противопоставил подлинную диалектику, первый элемент которой он сформулировал как требование объективности рассмотрения предмета изучения: «... (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)» (2, 29, 202).

По этой же линии шла и ленинская критика позиции Плеханова, у которого «...тождество противоположностей берется как сумма *примеров*..., а не как *закон познания* (и закон объективного мира)» (2, 29, 316). В статье «Статистика и социология» (1917 г.) Ленин развил эту мысль еще дальше. «В области явлений общественных, — писал он, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев» (2, 30, 350). Поэтому Ленин считал, что «конкретный анализ конкретной ситуации» есть «самая суть», «живая душа марксизма» (2, 41, 136).

Ленин, опираясь на материалистически истолкованную Логику Гегеля, отстаивал применение метода восхождения от абстрактного к конкретному при изложении диалектики. Это предполагает, что изложение начинается с некоторых простейших положений, с раскрытия заложенных в них противоречий. Отмечая высказывание Гегеля, указывающее на «развитие» мышления в его необходимости, Ленин выписывает дальше: «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*)..., исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление (*das Werden*)) (не беря иных) — здесь, в них «все развитие в этом зародыше» (2, 29, 86). В другом месте Ленин словом «замечательно!» оценивает следующее гегелевское изложение: «Царство мысли представить философски, т. е. в его собственной (NB) имманентной деятельности или, что то же, в его необходимом (NB) развитии...» (2, 29, 81).

«Начать философию с «Я» нельзя, — говорит Гегель. — Нет «объективного движения» (2, 29, 93). Началом, по Гегелю (и Ленин это выписывает), является противоречие, которое образуют бытие и ничто и которое составляет становление. «Начало содержит в себе и «Nichts» и «Sein» (и «ничто» и «бытие». — Б. К.), оно есть их единство:

...«начинающегося еще *нет*; оно лишь направляется к бытию»... (от *небытия к бытию*: «небытие, которое есть вместе с тем бытие»)» (2, 29, 93).

Признание, что учение о единстве (тождестве) противоположностей составляет ядро (суть) диалектики легло в основу других двух планов, составленных Лениным в целях изложения диалектики: во-первых, плана под названием «Элементы диалектики», во-вторых, плана, представленного фрагментом «К вопросу о диалектике». Так обстоит дело со вторым стержневым положением гегелевской диалектики, которое было особо выделено Лениным.

Данные науки и общественно-исторической практики и их роль в материалистической переработке гегелевской диалектики

Ленинские труды свидетельствуют о том, что весьма важную, решающую роль в деле материалистической переработки гегелевской диалектики играли данные современной науки и опыт революционной борьбы пролетариата. Необходимость учета научных данных отмечается Лениным уже в случае обоих рассмотренных выше стержневых положений. В качестве критерия их правильности, а значит, критерия правильности самой диалектики, Ленин считал необходимым привлечь материалы истории наук, в том числе истории естествознания. Так, в план, указывающий на те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика, Ленин включил историю отдельных наук. В «Плане диалектики (Логики) Гегеля» Ленин записал по поводу признания, что диалектика Гегеля есть, *постольку*, обобщение мысли: «Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее на *истории отдельных наук*» (2, 29, 298). По поводу же сути диалектики, о которой ставит вопрос и Гегель, Ленин записал: «Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки» (2, 29, 316).

Далее в связи с изложением диалектики по методу восхождения от абстрактного к конкретному, а также в связи с признанием, что диалектика и есть теория познания (Гегеля) и марксизма, Ленин обратил внимание на естественные науки: «А естествознание, — писал он, — показывает нам (и опять-таки это надо показать на *любом* простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей» (2, 29, 321). Так, естествознание и его история служат, в глазах Ленина, важным подспорьем при материалистической переработке гегелевской диалектики.

Позднее, в статье «О значении воинствующего материализма» (1922 г.) Ленин писал: «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов па те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» (2, 45, 31). Для этого нужно «...организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь... каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм... Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон... комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много» (2, 45, 30). Именно так изучал и материалистически перерабатывал диалектику Гегеля сам Ленин, о чем и свидетельствуют его «Философские тетради».

Позднее (1934 г.) Н. К. Крупская писала, что в 1922 г. Ленину очень хотелось, чтобы начатая им в 1914—1915 гг. работа над диалектикой была продолжена другими марксистами. «Советы, которые дает Владимир Ильич в статье о воинствующем материализме сотрудникам журнала «Под знаменем марксизма», как работать над Гегелем, заключают в

себе горячее, хотя не высказанное до конца пожелание, чтобы та работа, которую проделывал сам Ильич в области философии и ее популяризации, нашла своих продолжателей. Весной 1922 г. уже чувствовал Ильич, что силы его уходят, и хотелось ему, чтобы работа не оборвалась» (4, 59).